

Представление о настоящей Любви Мужчины и Женщины со 139 страницы

[Георгий Сидоров - Хронологическо-эзотерический анализ развития современной цивилизации 6. Система и Общие единые законы](#)

[Мироздания \(2019\).pdf](#) — Яндекс.Диск

<https://yadi.sk/d/G1X5c20uTrSwDw>

«Тем более что христианский Рим и Византия от театра отказались как от языческого наследия», – услышал я внутри себя голос Велемира. – Смотри внимательнее за спектаклем, юноша. Тебя он удивит не меньше всего остального.

Голос внутри меня стих, и я, став на колени, во все глаза стал наблюдать за происходящим на сцене, уже не на площади, а на сцене. А там началось первое действие.

На лавочку между деревьями села нарядно одетая девушка, и было видно, что она кого-то ждёт. Вот в поле её зрения появился идущий куда-то по своим делам подчёркнуто богато одетый молодой боярин. Звучит тихая романтическая музыка, и девушка, увидев парня, бежит к нему навстречу.

– Здравия тебе, свет моего сердца, дорогой Бранибор! Я ждалась тебя! Когда я долго тебя не вижу, то очень, очень скучаю!

– Я тоже скучаю, – остановился боярин. – Но понимаешь, у меня столько дел! Ты ведь знаешь, как я занят. Вот и сейчас спешу по срочному поручению нашего вождя и повелителя.

– Я всё это знаю, – говорит девушка, обнимая парня. – Но мне так плохо, так плохо! Когда я долго тебя не вижу, я вяну, как сорванный цветок. Ты, наверное, совсем обо мне не думаешь? Кроме меня тебя любит и Ждана, и Дарина...

– Да-да, любят, – вздохнул Бранибор. – Но как мне понять, кто из вас любит меня как человека за мои достоинства, а не за то, что я боярин и приближённый царя?

– А тебе кто из нас больше нравится? – заглядывает боярину в глаза девушка.

– Знаешь, Ветряна, – берёт парень девушку за плечи. – Вы мне нравитесь все. Каждая по своему, но я хочу быть по-настоящему любимым, а не средством вашего обеспечения. Надеюсь, ты меня поняла?

– Я поняла тебя, Бранибор, – отвечает девушка. – Не знаю, как мои подруги, а я тебя искренне люблю.

– Время покажет, – говорит боярин и, отступив, от красавицы спешит по своим делам.

Закончилось первое действие. Раздались дружные аплодисменты. А актёры в знак благодарности, подняв руки, поклонились публике. А в это время работники импровизированной сцены унесли старые декорации и стали устанавливать новые. В центре площади, как я понял, был установлен царский трон. К нему с трёх сторон вели длинные, вытянутые в виде дорожек, ковры. И вот на сцене появились актёры. Каково было моё удивление, когда в одежде царя, в отделанном соболиным мехом позолоченном шлеме, длинном, богато украшенном, камзоле, с посохом в руке, я узнал самого «потрясателя Вселенной».

«Царь играл самого себя! – я не знал, что думать. – Получается, что владыка Великой империи являлся ещё и творческой личностью? То, что режиссёр-постановщик спектакля

предложил ему сыграть самого себя, до меня дошло без объяснений. Но каков правитель! Роль актёра, пускай даже царя, его несколько не унизила».

Глядя на то, что происходит на сцене, я понял, что психика сибирских ариев была лишена эгоизма – во всём они искали единства. Разделяли их объективные вещи: знания и способности. А так, все они представляют собой хорошо отлаженный, действующий как единое целое, социальный механизм.

«Вот в чём заключена тайна побед войн сибирских руссов над своими противниками! Не в железной дисциплине, как нам пытаются внушить историки. Прежде всего, в высоком сознании воинов. Дисциплина – это уже второй фактор. Да и была ли она, та дисциплина, где за одного бежавшего с поле битвы казнили десяток, а если бежало десять, то на казнь вели целую сотню? В людоедских законах нуждается разделённое общество, где элита поработила своих граждан, превратила в рабов и паразитирует на их способностях. Ни Русь Европейская, ни Русь Сибирская не знали рабства. Даже во времена скифских царей рабства в Восточной Европе не было. Тем более на территории Великой Северной империи. Значит, всё, что написано у китайцев и арабов о так называемом Чингисхане – самая настоящая сказка. И потом, надо ещё разобраться, кто писал. Если учесть, что китайцам написали историю итальянцы-иезуиты, причём в XVII веке, а арабам в том же веке – турки, то можно себе представить, что это за хроники?»

Обдумывая, что правда в мировой истории, а что является вымыслом, я продолжал наблюдать за сценой. Наконец, мне удалось рассмотреть лицо царя и правителя. Красивое, волевое лицо. Прямой нос, тонкие губы, короткая русая борода. Фигура крепкая, ладная, хорошо скроенная... царь сидел на своём троне и читал свиток какой-то рукописи. У его ног, в берестяных тубусах стояли такие же свитки.

«Вот они – знаменитые книги наших предков, – отметил я про себя. – Берестяной тул с крышкой, наполненный либо берестяными, либо пергаментными свитками. Неплохо придумано, – думал я. – Особенно для хранения – лучше, чем любая современная книга».

Вдруг раздался звон колокольчика, и царь, оторвавшись от чтения, поднял голову. Колокольчик известил о приходе гостя. И к трону царя подошёл знакомый всем боярин Бранибор.

– Приветствую тебя, повелитель! – поклонил голову боярин.

– И я приветствую тебя, Бранибор! – поднялся царь со своего места. – Что у тебя? Я весь во внимании.

– У меня личное, царь-батюшка. Право, мне так неудобно...

– А ты не стесняйся.

– Понимаешь, мне нужен совет. Совет человека, который знает жизнь и мудр. Я ещё молод и многого не понимаю...

– Совет? – царь жестом посадил боярина на своё место, а сам встал перед ним, скрестив на груди руки. – Рассказывай, что у тебя? И не тяни. Я постараюсь понять.

– Тут вот какое дело. Меня выбрали сразу три девушки. Все из нашего сословия.

Царь с интересом стал рассматривать парня.

– Три. Надо же! А ты, я вижу, орёл!

– Скорее, мокрая курица!

– Что так?

– Потому что не знаю, к какой посылать сватов.

– Это почему?

– Потому, что отношусь ко всем трём я одинаково – все три красавицы.

– Я их знаю?

– Конечно. Одна – дочь Сабутра, твоего возникшего, – Ветряна. Вторая – дочь тысяцкого Ставрода – Дарина. А третья – Ждана.

– Знаю. Знаю всех трёх. Хорошие девушки. Действительно, трудно тебе – голова крутом. А ты, бери, их всех – и делу конец. Главное, чтобы они между собой тебя не делили.

– Эдак вокруг себя можно собрать и десяток, но ни одна понастоящему любить тебя не будет.

– То, что все они могут оказаться пустышками, ты прав, – вздохнул царь. – Объясни тогда, что ты хочешь?!

– Я думал, что ты можешь мне дать толковый совет: какую мне пригласить в дом, а какую нет?

– Нашёл бабу-гадалку! Тебе не я нужен, а кто-нибудь из наших волхвов.

– Да стыдно мне к ним по личному вопросу.

– Этот вопрос не совсем личный, мой друг. Полноценные дети могут родиться только у любящих друг друга отца и матери. Дети – наша надежда, наше будущее. Они принадлежат не только своим родителям, но и всем нам, – царь нервно заходил перед сидящим в растерянности боярином. – Вот что, Бранибор, – посмотрел на парня царь, – дай мне срок. Я думаю, что жизнь сама всё поставит на своё место. Ты пришёл ко мне за советом, а у меня к тебе просьба. Если бы ты не появился, я бы за тобой послал.

Услышав слова царя о просьбе, Бранибор поднялся с кресла, и царь снова сел на своё место.

– Слушаю, повелитель, – встал по стойке смирно перед царём боярин.

Окинув его оценивающим взглядом, царь сказал:

– Мне надо отправить по неотложному делу к журам одного из своих охранников, ты его знаешь, это Орланд.

Бранибор кивнул.

– Так вот, я хочу, чтобы ты занял его место. В нашем царстве воровства нет – тебе это известно. Нет у нас и замков. Но государственную печать без охраны оставлять нельзя, она может попасть в руки наших врагов. А их у нас, сам знаешь сколько: и империя драконов, и царство обрезанных на юге. Готов ли ты занять место Орланда?

– Готов, царь-отец. Могу приступить к своим обязанностям хоть сегодня.

– Сегодня не стоит, но с завтрашнего дня в ночь ты выходишь на своё дежурство.

– Приказ принят, – поклонился Бранибор своему царю.

– Не приказ, Бранибор, а просьба. Приказы будут в военное время. Но помни, если печать пропадёт, тебя придётся казнить. Правда, у нас есть закон: чтобы спасти тебе жизнь, смерть может принять кто-то из твоих друзей, но только не родственник.

– Мне этот закон известен, – улыбнулся боярин. – Печать будет целёхонька, ничего с ней не случится.

– Вот и хорошо, – взял в руки царь недочитанный свиток. – А теперь иди, ты свободен, боярин.

Бранибор, поклонившись, уходит а царь, отложив чтение, звенит в колокольчик. Через секунду к нему заходит один из его подручных – молодой крепкий парень в боярской одежде.

– Вот что, Любомир, – обращается царь к вошедшему. – Я в последнее время совсем перестал по ночам спать – одолела бессонница. У тебя нет чего-нибудь такого, чтобы уснуть?

– Честно говоря, нет. Я могу спросить для тебя кое-что безвредное, но действенное у волхвов.

– Не надо их беспокоить. Спроси у наших травников-целителей и не говори, что для меня.

– Будет сделано, – поклонился боярин и быстрым шагом направился к выходу.

Вновь заиграла фоновая музыка, и зрители разразились аплодисментами. Я заметил, что многие из них улыбались и переговаривались друг с другом.

«Наверняка этот спектакль всем давно известен, но, несмотря на это, его с удовольствием смотрят», – отметил я про себя.

Вот на сцену поставили стол, на него положили какую-то подушку, а на подушку положили муляж здоровенной печати. Вновь заиграла музыка, тихая, убаюкивающая, и к столу в полном вооружении подошёл Бранибор. На боярине был крутлый стальной шлем с бармицей, колыуга-байдана, кожаный панцирь, щит, короткое копьё и меч. Охранник обошёл стол и стал перед ним по стойке смирно.

В это время на площади-сцене появился царь. На владыке был длинный халат, на голове что-то наподобие шапки. В одной руке он держал изящный кувшин, в другой – красивый деревянный ковш. Царь подошёл к стоящему на страже Бранибору, посмотрел на него, потом, вздохнув, сказал:

– Что-то не спится мне, боярин. Вот хожу по своим покоям и не знаю, чем заняться. Может отпустить тебя домой и самому встать на страже печати?

– Я категорически против, царь-отец. Не хватало, чтобы ты работал ещё и за охранника! А мы тогда зачем? – улыбнулся царю Бранибор.

– Тогда я пошёл, – посмотрел на стража владыка. – Ах да, чуть не забыл, – посмотрел царь на принесённый им кувшин. – Тут у меня хороший сбитень, он ещё горячий. Давай я тебя им угощу.

– Мне как-то одному пить неудобно, – запротестовал боярин. – Может вместе!

– Я только что выпил целый ковш, – улыбнулся царь. – Да тут и сбитня-то кот наплакал, – он поставил на стол свой ковш и опрокинул над ним кувшин. – Видишь, меньше половины. Давай, бери – это из царских рук. Век будешь помнить.

Последние слова вызвали дружный смех у зрителей.

Взяв из рук правителя ковш, Бранибор в знак благодарности наклонил голову, потом залпом выпил содержимое.

– Молодец! – похвалил Бранибора владыка. – Не люблю, когда кочевряжатся. Как сбитень?

– Хорош!

– Ну давай до утра. Я пойду, постараюсь уснуть, – и царь, забрав кувшин с ковшом, под смех публики зашагал к выходу.

Заиграла тихая, но в то же время тревожная, музыка. И оставшись один, Бранибор стал ходить взад и вперёд вдоль стола, каждый раз останавливаясь и качая своей головой. Было видно, что парень изо всех сил борется с наваливающимся на него сном. Вот он стал спотыкаться, потом упал на колени, хотел подняться, но рухнул мешком на пол и уснул.

Как только боярин уснул, снова появился царь. Он быстрыми шагами подошёл к столу, взял государственную печать и, вынув из ножен у витязя меч с кинжалом, не мешкая, вышел из комнаты.

Снова заиграла музыка, и рабочие сцены под неё и аплодисменты зрителей унесли стол и вместо него установили царское кресло. Через несколько секунд в своём парадном платье на него уселся царь. Только он протянул руку к берестяному тубусу со свитками, как раздались крики, и трое воинов втолкали в зал растерянного Бранибора.

– Что происходит?! – вскочил царь на ноги. – Я хочу знать, зачем вы привели ко мне Бранибора? Что он натворил?

– Посуди сам, – стал рассказывать старший из воинов. – Когда мы вели утренний обход, то увидели, что он спит, спит

на полу, на столе нет государственной печати, а у него кто-то забрал и меч и кинжал. Мы насилу его растолкали.

– Что ты скажешь в своё оправдание, Бранибор? Где печать? – голос царя стал металлическим, а глаза сверлили боярина.

Бранибор опустил руки, и глаза его растерянно смотрели в лицо повелителя:

– Не знаю, что произошло..., – прошептал боярин. – Не пойму, почему я уснул. И я не знаю, кто взял печать...

Вдруг он резким движением бросился к рядом стоящему воину и попытался выхватить его кинжал. Парня тут же схватили за руки.

– Не дури! – крикнул на него царь. – Решил покончить с собой?! Тебя судить будем. Всё должно быть по закону. Ведите его в темницу, – крикнул царь воинам. – И смотрите за ним, иначе он сам себя порешит.

– Будет сделано, повелитель, – кивнул начальник стражи.

– Я хочу, чтобы меня кто-нибудь здесь на глазах царя убил – я не выдержу позора! – взмолился виновный боярин.

– Хочешь легко отделаться?! – поднялся со своего места царь. – Не надо было спать. Я же тебя предупреждал, что тебя ждёт, если во время твоего дежурства исчезнет печать. Уведите его!

Когда воины увели несчастного Бранибора, царь позвонил в колокольчик, к его креслу подошёл один из слуг.

– Вот что, – окинул его царь взглядом, усаживаясь на своё место, – ты знаешь, что произошло сегодня ночью.

– Печать уже ищут! Я распорядился!

– Это хорошо! Я о другом. Дай знать жителям нашего царства, что за боярина может отдать свою жизнь кто-то из горожан, только не родственник – таков закон. И ты его знаешь.

– Знаю! – кивнул ответственный по поручениям.

– Вот иди и действуй. А мы подождём три дня. Если за три дня никто не решится отдать свою жизнь за боярина, Бранибора казнят на площади... А насчёт печати – вы зря её ищите. Тот, кто её взял, уже далеко.

– Но мы вышли на след, – заупрямился слуга.

– На след? На какой? Опять кого-нибудь невинного найдёте, а мне потом разбирать ваши огрехи. Ступай!

Посыльный боярин ушёл, а царь, достав свиток из берестяного тубуса, стал с интересом его изучать. Через минуту он положил свиток на место и под оващи зрителей ушёл с импровизированной сцены.

Заиграла фоновая музыка, и рабочие сцены унесли с площади царское кресло и берестяные тубусы с книгами. На площадь снова были поставлены макеты деревьев, а между ними скамейка.

Заиграла тихая романтическая музыка, и к скамейке подошли с разных сторон три девушки.

– Вы слышали, подруги, что произошло сегодня ночью? – обратилась Ждана к двум другим красавицам.

– Об этом знает весь город, – ответила Ветряна.

– Не пойму, как он мог уснуть, – отозвалась третья девушка.

– Это он только с виду такой гордый, красивый, волевой и положительный. На самом деле, маменькин сыночек! Избалованный сосунок!

– Но всё равно жаль его, что-то в нём есть притягательное.

– Есть-то, есть, – ответила третья подруга. – Но сдаётся мне, что мы его выдумали.

– Наверное, так и есть.

– Интересно, кто за него пойдёт жизнь отдавать? Дурацкий у нас закон!

– Никто не пойдёт! Кому он нужен? Только отцу с матерью... Воспитали непутёвого и теперь с ним маются... Хватит обсуждать пустое, подруги, – махнула рукой Ждана. – Пойдёмте по домам, у меня куча работы, да и у вас, наверное, тоже.

– А на казнь вы придёте? – спросила Ветряна девушек.

– Вот ещё! Не хватало позориться!

– Ты как хочешь, а мы – нет!

– Тогда по домам.

И все три девушки под грустные звуки музыки и под хлопки зрителей ушли с площадки.

Опять зазвучала фоновая музыка, и работники сцены снова установили на площади царское кресло. Царь тут же уселся

на своё место и занялся своим любимым делом – изучением пергаментов. Но тут раздался стук, и вскоре к царю подошёл посыльный боярин.

– Царь-батюшка, – поклонился он владыке. – Тут одна девушка к тебе просится, хочет срочно тебя увидеть.

– Что ей надо?

– Не говорит.

– Пусть войдёт, – отложил царь в сторону рукопись. – Интересно, зачем я ей?

Посыльный боярин исчез, и вскоре к царскому трону подошла во всём белом молодая высокая девушка. Её льняные волосы, в знак печали, были распущены, и ступала она медленно и плавно. Девушка остановилась перед царём и в знак приветствия наклонила голову.

– Приветствую тебя, царь-отец, – тихо сказала она, глядя царю в глаза.

– Как звать тебя, красна девица? – поднялся со своего места царь. – И что тебя привело ко мне?

– Звать меня Светленой, царь-батюшка. А пришла я к тебе, чтобы отдать свою жизнь, как гласит закон, за жизнь боярина Бранибора.

– Тебе что, жить надоело? – удивился царь. – Похоже, ты из первого сословия... Ты хоть боярина-то знаешь?

– Не знаю, – сконфузилась красавица. – Но давно его люблю и люблю сильно. Если его казнят, то мне тогда незачем жить. Я всё равно умру от тоски и горя. Пусть лучше казнят за него меня – тогда он останется жить и всю жизнь будет меня помнить. Это для меня будет наградой и радостью.

– Н-да... – покачал головой царь. – Вот она истина! Вот она – правда! – Ты постой, Светлена, я сейчас, – обратился царь к девушке.

Он подошёл к воображаемой двери и позвонил в колокольчик. Тут же перед царём появился посыльный боярин.

– Слушаюсь, царь-батюшка, – поклонился он владыке.

– Приведи-ка мне сюда, Глеб, боярина Бранибора. Он мне сейчас нужен.

– Слушаюсь, – и посыльный боярин убежал за Бранибором.

– Ты вот что, девица, – обратился царь к Светлене. – Тому, что сейчас увидишь, постарайся не удивляться. Стой спокойно и слушай. Поняла?

– Поняла, – прошептала девушка, опустив руки.

– Вот и хорошо! – повернулся царь к вошедшему под охраной Бранибору.

На этот раз Бранибор был спокоен и мрачен. Он смотрел на царя отрешённо и ждал, что тот скажет.

– Вот что, Бранибор, – посмотрел на боярина царь. – Я выполнил твою просьбу! Помнишь, ты меня просил помочь тебе с невестой?

Бранибор, не понимая, кивнул.

– Тебе нужна была девушка, которая бы тебя по-настоящему любила? Даёшь ли ты мне слово, что будешь её любить так же, как и она тебя?

Бранибор тряхнул головой:

– Причём тут моя женитьба, царь-отец? Меня же завтра казнят!

– Ты мне скажи, даёшь слово любить девушку так же, как она тебя любит, или нет? – оборвал Бранибора царь.

– Даю, даю! Только я ничего не понимаю!

– Раз даёшь, тогда бери эту девушку в жёны и будь с ней счастлив! Она перед тобой, твоя суженная, посмотри. Светлена прекраснее твоих боярышень, – показал царь на девушку. – Но, самое главное, она может по-настоящему самоотверженно любить!

И тут царь своей левой рукой взял кисть руки девушки, а правой – руку боярина, и своими руками соединил их руки. Остолбенелый боярин во все глаза смотрел то на царя, то на девушку. Было видно, что он крайне растерян и ничего не понимает.

– Светлена пришла ко мне, чтобы отдать свою жизнь за твою, Бранибор. Как видишь, всё просто! Теперь до тебя, наконец-то, дошло?

– А как же печать? – выдавил из себя боярин. – Я же проспал...

– Печать, печать! – засмеялся царь. – Она никуда не пропа-

ла. Вот она! – и подойдя к креслу, он вынул государственную печать из-под подушки.

– Так это ты всё подстроил? – улыбнулся Бранибор.

– Ты же сам просил меня помочь, я тебе и помог. Да, заведи свой меч и книжал – они мне не нужны. Оружие твоё тебе отдадут на выходе. А теперь марш домой и не забудь пригласить меня на свадьбу!

И Бранибор, и Светлана поклонились царю низким поклоном, и оба радостные покинули зал. За ними ушли и улыбающиеся воины охраны. На сцене царь остался один. Он несколько раз прошёл взад и вперёд. Потом, посмотрев на зрителей, сказал:

– Женщины, женщины! Как мало среди вас умеющих любить! А ведь мужчины считают вас земным воплощением самой Лады.

Только царь сказал золотые, на мой взгляд, слова, как начались аплодисменты зрителей. В этот момент на импровизированную сцену вышли все, кто участвовал в спектакле. Они окружили царя и вместе поклонились аплодирующим зрителям. И в этот момент заиграла какая-то музыка.

